

**Алексей
КОНДРАТЕНКО,**
кандидат политических наук

НЭП: КАК ЭТО БЫЛО

К началу 1920-х годов Орловская губерния была одним из наиболее отсталых аграрных районов Центра России. Красноречиво признание автора одной из статей, датированной 1925 годом: «Товарищ Троцкий на своём богатом сравнениями языке однажды назвал нашу Северо-Чернозёмную полосу «Индией», очевидно, имея в виду, с одной стороны, недостаточную выявленность её общего хозяйственного облика, а с другой, — слишком медленное развитие хозяйственной культуры и благосостояния населения. Троцкий в значительной степени прав в своём выражении. По общим чертам хозяйственно-уклада наш район во многом напоминает собою уклад индусского хозяйства».

Модернизация, хотя и называвшаяся нэпом (новой экономической политикой), на деле была шагом вспять от революционного радикализма. В разрушенной и голодной стране чуть утихла репрессии, разрешили частную торговлю и начали сдавать в аренду кое-какие предприятия. А главное, дали послабление крестьянину: продразвёрстка была заменена налогом.

Небывалый рост цен — так всего тремя словами мог сказать обыватель, что такое начало НЭПа. Если в первый год цены подскочили в 10 раз, то во второй — ещё в 50 раз! Зарплата повышалась каждый месяц, но она, конечно, не могла успеть за ценами. Государство поднимало оклады, ориентируясь на потребительскую корзину. Что в неё входило, например, в 1922 году? На месяц — 25 килограммов муки, 3 килограмма мяса, полтора килограмма рыбы, килограмм сахара, подсолнечное масло, капуста, картошка, кусок мыла и три коробка спичек. А ещё шесть сотых от пары сапог, два аршина ситца и кое-какая мелочёвка, помноженная на массу дробей. В довоенных ценах это стоило от трёх до пяти рублей в месяц. А на новые деньги... В августе 1922 года кожевник 6-го разряда получал в Орле 43 миллиона, в сентябре — 76 миллионов, в октябре, в пятую

годовщину социалистической революции, — уже 110 миллионов рублей (впрочем, называть рублиями сию «валюту» смешно). Минимальной ставкой был тогда оклад в 9 миллионов, максимальной — в 600. Но тут стоит заметить, что зарплата в организациях, перешедших на хозрасчёт, была примерно в пять раз выше, чем в государственных конторах. Едва ли не все боролись за то, чтобы, говоря современным языком, открыть малое предприятие, начать свой бизнес. Нищий народ с завистью глядел на начальников, получавших по полмиллиарда и больше в месяц. Но вот цифры беспристрастной статистики: при этом высочайшем уровне цен начальники отделов и контор, если бы они захотели получать столько же, сколько имели на аналогичных должностях при царе, вынуждены были бы получать два, три, а то и четыре миллиарда рублей в месяц (то есть двести рублей довоенных). Но это уже казалось фантастикой.

Архивные документы оставляют двойственное впечатление о том времени. НЭП вместе с надеждой принёс очередную (сколько их было...) драму. Резко подскочил уровень безработицы — в три, четыре, пять раз (примечательно, что треть безработных составляли бывшие работники органов советской власти: вместо трёх десятков главков в Орле осталось одиннадцать). Люди нищали на глазах, хотя после гражданской войны похвалиться благосостоянием и так никто не мог.

Из секретных донесений ОГПУ из Орла в Москву:

«Настроение безработных в Дмитровском уезде неважное в силу материальной необеспеченности. Пособие выдаётся только 19 % безработных, да и то в мизерном размере. Размер пособия из страховой кассы от 5 до 10 рублей в новых дензнаках».

Орёл. На заводе «Красный пахарь» отмечены волнения в связи с продолжающимся

закрытием завода. К настоящему времени уволено 50 % рабочих. На заводе имени Рыкова среди литейщиков отмечено волнение. Вначале стачка охватила всех литейщиков в числе 50 человек, причём в ней приняли участие члены партии и комсомола. Пока второй день партийцы отклонились. Стачка ликвидирована увольнением 38 литейщиков.

Рабочие и служащие Орловского железнодорожного узла на события в городе, а также на предполагающуюся по различным слухам войну смотрят плохо и говорят, что защищать новую буржуазию не пойдут. Под буржуазией рабочие понимают многих ответственных работников, получающих большие оклады».

И всё же что дали первые месяцы, первый год НЭПа? Неужели только шок от космических цен? Нет, не только. Уже в первый год в Орловской губернии в три, в четыре раза увеличился сбор зерна, возросло поголовье скота. А посевные площади, как по мановению волшебной палочки, достигли довоенного уровня. В России появился хлеб. Вернулись на неработавшие мельницы прежние хозяева — правда, теперь в качестве арендаторов, и пошла потоком мука. В Орле к сотне государственных магазинов прибавились почти семьсот частных и полтораста кооперативных лавок. Народ зашевелился — торговля, кустарные промыслы, обмен с соседними губерниями. Промышленность пусть со скрипом, но начала входить в рынок вслед за торговлей и сельским хозяйством. Кустарных предприятий появилось в несколько раз больше, чем до НЭПа.

Предупреждение о предстоящей буре прозвучало в 1924 году. Наивно полагать, что крестьяне только и делали в тот год, что печалились по поводу смерти Владимира Ильича. Пришла беда так беда: засуха. Хлеба в губернии было собрано в полтора раза меньше, чем прежде. Тысячи семей остались без коров, без лошадей. Совнарком, конечно же, поспешил заявить о своей помощи орловскому крестьянину. А как было на самом деле?

Снова откроем сводки ОГПУ. Вот что сообщали из Орла в Москву в те дни.

Из прочитанных цензурой писем крестьян сыновьям в армию: «Жизнь у нас подходит к концу. Некоторые сидят по целым неделям почти не евши. Хлеба мало, совсем нет, а сельхозналог тянут, хоть в трубу полезай. Денёжек тебе послала бы, но неоткуда взять».

Из донесений:

«Поступление сельхозналога по губернии почти прекратилось, а если производится, то под нажимом и с репрессиями. Крестьяне недовольны производом — отчуждается имущество вплоть до барахла. В Троснянском волостном исполкоме имущество неплательщиков было распродано сотрудникам исполкома. Часы настенные были куплены всего за 35 копеек».

Бедняки, чтобы спастись от голодовки, стараются заранее продать скот, сдают землю в аренду кулачеству за бесценок, а

сами отправляются на заработки в другие губернии. На почве недоедания участились кражи продуктов. Семья населения почти не имеет. Усилилась варка самогона. Из одного пуда муки получается 12 бутылок, чистая прибыль — 4 рубля 40 копеек. У большинства выбор — или гнать самогон, или воровать. В Ливенском уезде кулаки-арендаторы говорят беднякам, уходящим на заработки: «Не завидуйте, что мы едим хлеб, а вы голодаете. Идите к вашим коммунистам, они дадут вам равноправие».

Во время в Орле снова появились «народовольцы» — так смутьянов прозвали в ОГПУ. Организация возникла осенью 1924 года, когда несколько студентов установили контакт с политическими ссыльными, прежде всего с высланным в Орёл из Воронежа за оппозиционную деятельность Н.В. Сахаровым. Местный уроженец А.П. Святицкий, в мае 1925 года приехавший в Орёл на каникулы из Ленинграда, написал «Письмо к молодёжи». В это же время Сахаровым, как говорилось в обвинительном заключении, был «экспроприрован ротатор из губземуправления», установлен контакт с «главарями банды... бандитской вспышки на юге бывшего Кромского уезда, что доказывается обнаруженной у него, Сахарова, запиской об участниках банды и её деятельности».

В листовке, в частности, говорилось: «Огромная часть её (молодёжи. — А.К.) после окончания средней школы принуждена остановиться перед закрытыми для неё дверями университетов, куда проникнут лишь члены привилегированной коммунистической касты или же те беспартийные, которые своей долголетней полной покорностью доказали свою благонадёжность... Под вечной угрозой увольнения, за которой следует голодная

гражданина... Вместо диктатуры трудящихся — у нас диктатура кучки партийных генералов, грызущихся между собой, как свора голодных собак. Вместо советской снизу доверху избранной власти мы имеем старый административно-полицейский аппарат со всеми его обычными художествами в виде безудержного взяточничества, чудовищных злоупотреблений и издевательств над мирными гражданами. Вместо социализации земли — столыпинское хуторное землеустройство, грабительские ком[муны] и совхозы, вставшие вместо прежних помещиков. Вместо социалистического распределения — новую торговую буржуазию, стремящуюся взять последнюю копейку с мужика. Вместо свободы — коммунистическую охранку, опутавшую всю Россию шпионажем и провокацией».

Ныне листовка хранится в трёхтомном деле в архиве управления ФСБ по Орловской области. По делу «Областного секретариата левонародников» в 1925 году было арестовано 15 человек, один объявлен в розыск.

Вернёмся к началу НЭПа. Чем он был для орловских большевиков? Похоже, громом среди ясного неба. По старой схеме на весенний сев 1921 года был мобилизован каждый девятый коммунист из губернского и уездных центров. Но мужик, почуявший свободу, в агитаторах не нуждался, и партпосланцы вернулись домой в унынии. А тут ещё чистка в партии (затеянная, видимо, для того, чтобы отвлечь внимание растерявшихся партийцев). Словом, почти четверть из них лишилась партбилетов, а заодно и спецпайков, и спецквартир (кстати, перетряски в партотрядах в годы НЭПа были постоянным явлением).

Пришлось яечкам заниматься распространением агрономических знаний в деревне (как пахать, чем удобрять). Шефствовали над немногочисленными тогда колхозами, да ещё издали в Орле альбом и открытки с портретами вождей революции. Но всё это внешние приметы. На деле власть коммунистической партии, как ни парадоксально, крепла с каждым днём. Просто НЭПманы были на виду, мелькали, суетились. А рядом, в тени... Когда в начале НЭПа

штаты губернских учреждений сократились вдвое, лишь одно из них — отдел ГПУ — увеличило свою численность в полтора раза. Сотрудников, к примеру, здесь было в шесть раз больше, чем в управлении внутренних дел.

Партия внимательно следила за происходящим. Это она распространяла займы, организовывала субботники, начала борьбу за экономию на предприятиях. И как только засуха обострила кризис, губком начал решительное наступление. Например, недовольство крестьян зажиточными крестья-

нами вылилось в решение губкома о запрете продажи тракторов кулакам. Затем следует резолюция о высылке в Сибирь 250 семей бывших помещиков. А ведь это был только 1925 год, ещё столько времени оставалось до сплошной коллективизации.

Почему свёртывание НЭПа произошло почти без всякого сопротивления? Да потому, что в числе так называемых «командных высот», оставшихся в руках партии, была не только тяжёлая индустрия, но и мощная пропагандистская машина (а вот НЭПманы не создали ни своей партии, ни массовых газет). Подспудно была проделана колоссальная работа по обвалыванию общественного сознания. И были первые «плоды»: например, уничтожили кладбище на Монастырке в Орле, отправив могильные плиты на строительство плотины на Оке. Народ безмолвствовал. Открыли в бывшем архиерейском доме детскую колонию — и снова никакой реакции...

Повсюду распускались зловещие слухи. Из донесений ОГПУ:

«В Ливенском уезде циркулируют слухи о близости войны и переворотов, тяжесть коих опять ляжет на крестьянство. По слухам, президентом после переворота будет Троцкий. Там же имеются слухи о скорой войне с Германией».

В Ливенской волости неизвестно кем распущен слух, что якобы все железные дороги будут переданы в аренду Америке. Вся каменноугольная промышленность Дона и Урала сдана в аренду Англии за царские долги. Вся золотопромышленность Сибири переведена на договорных началах Японии, чтобы Япония не нападала на Советскую Россию.

Среди крестьян Кромской волости распространились слухи, как будто бы война уже началась и Советская власть скрывает это».

Голод, война, революция, продажа России иностранным государствам... Народ внутренне был готов к чему-то чрезвычайному, драматическому. И большевики умело сыграли на этом настроении, объявив врагами кулаков, вредителей, троцкистов и прочих.

безработица, под угрозой тюрьмы и ссылки калечится свежий мозг нашей молодёжи. Только ленинизм — худосочное дитя узколого марксизма является дозволенным идиологом. Всё остальное под запретом. За то, что учащийся разделяет другое мировоззрение, его ждёт беспощадная расправа.

... коммунистическая власть, боровшаяся в октябре за советскую власть и диктатуру всех трудящихся, мало-помалу отказалась от своих фраз и лозунгов, которыми и поныне оглушает всякого малоискушенного